

О.Н. Кен

М. С. Островский и советско-румынские отношения (1934-1938 гг.)

Для советской внешней политики 1934 год был ознаменован вступлением в Лигу Наций и «второй полосой признания». Особое значение для СССР имело нормальных дипломатических отношений с государствами Малой Антанты – Чехословакией и Румынией и связанное с этим укрепление советских позиций в Центральной Европе.

В отличие от Чехословакии, не имевшей с СССР ни общей границы, ни спорных вопросов и находившейся в окружении реваншистских государств, Румыния должна была исходить прежде всего из трудного соседства с Советским Союзом. От него Румынское королевство отделяла лишь протяженная линия Днестра, которую Москва отказалась признавать государственной границей между Украинской ССР и Бессарабией. Глеющий конфликт по поводу принадлежности Бессарабии сопровождался неурегулированностью вопросов о вывезенных в Россию румынских архивах и «румынском золоте», иных имущественных претензиях. Заключенный в 1921 г. союзный договор между Бухарестом и Варшавой обеспечивал Румынии видное место в ряду «ближайших вероятных противников» СССР. Несмотря на нажим своих союзников – Франции и Польши, Румыния предпочла остаться вне системы пактов, заключенных СССР с западными соседними государствами в 1932 г., нежели согласиться подставить под сомнение свой суверенитет над Бессарабией.

Решающую роль в срыве планов заключения советско-румынского договора о ненападении сыграл талантливый и амбициозный посланник Румынии в Лондоне Николае Титулеску, осенью 1932 г. назначенный королем на пост министра иностранных дел. Твердый сторонник прозападной ориентации, Титулеску вместе с тем одним из первых осознал возможности, которые открывала для Румынии быстрая эволюция советской внешней политики в направлении поддержки европейского статус-кво. По его инициативе в июле 1933 г. СССР и Румыния подписали Лондонскую конвенцию об определении нападающей стороны, позволявшей считать агрессией любой возможный насильственный акт Москвы по «возвращению» Бессарабии. Основное препятствие к нормализации двусторонних отношений отпало. Вскоре после начала переговоров между СССР и Францией о взаимной помощи, румынская дипломатия сделала ставку на сближение с СССР как оплотом послевоенного порядка. 9 июня 1934 г. нарком М.М. Литвинов и министр Н. Титулеску обменялись нотами об установлении нормальных дипломатических отношений. О «существующих спорах» (формулировка, ставшая камнем преткновения на переговорах 1932 г.) при этом не упоминалось.

Первым полпредом (Чрезвычайным Посланником и Полномочным Министром) в Бухаресте стал 42-х летний Михаил Семенович Островский. Назначение недавнего сотрудника Наркомата внешней торговли на ответственный дипломатический пост было необычным, тем более, что в Москве не было никаких иллюзий относительно развития хозяйственных связей с аграрной Румынией.

О биографии и предшествующей деятельности Островского известно сравнительно мало¹. Членом ВКП(б) он стал в 1919 г., примерно в то же время поступил в Красную армию; после гражданской войны служил заместителем комиссара Военной академии РККА. С 1925

¹ В частности, его имя не упоминается в изданиях «Дипломатического словаря». О вероятной причине умолчания см. в заключительной части статьи. Наиболее полная биографическая справка опубликована А. Колпакиди в книге: А. Бармин. Соколы Троицкого. М., 1997. С. 501.

г. Островский в качестве уполномоченного Нефтесиндиката работал в Турции, Германии и Франции, а в августе 1932 г. был назначен заместителем председателя объединения «Союзнефть» с сохранением за ним должности президента Société française du Naphte russe². С 1933 г. и вплоть до перехода в Наркоминдел осенью 1934 г. Островский занимал важный пост торгового представителя СССР во Франции. В этом качестве он должен был стать хорошо известным как наркому Литвинову, лично курировавшему III Западный отдел НКВД, так и аппарату ЦК ВКП(б). Двухлетнее пребывание Островского в Германии, возможно, положило начало теплым отношениям с первым заместителем наркома Н.Н. Крестинским (в 20-е гг. – полпредом в Берлине). Непринужденные отношения наладились у Островского с ближайшим сотрудником Крестинского – уроженцем Бессарабии Д.Г. Штерном, который с 1931 г. заведовал II Западным отделом (Центральная, Юго-Восточная и Северная Европа) и референтом по Румынии Г.Я. Бежановым.

Сколь бы далекими от политических проблем ни выглядела служебные обязанности Островского, с осени 1932 г. он начал играть выдающуюся роль в налаживании доверительных отношений между Парижем и Москвой. Используя знакомство с представителем одной из нефтяных компаний майором Кайролем, Островский установил тесный контакт с «небольшой группой реалистов» во французском военном командовании (подполковник де Латтр, генерал Луазо, полковник Мендра), считавших сближение с Россией стратегически необходимым³. В многочисленных беседах с Кайролем и де Латтром (переписка с которым к лету 1933 г. приобрела фамильярный оттенок) Островский убеждал французов, что Москва все более озабочена перевооружением Германии и «не может допустить, чтобы Польша вновь стала немецкой [...] Перед этой опасностью вопросы об Украине и даже Бессарабии отходят на второй план»⁴. О контактах с Островским де Латтр докладывал своему шефу М. Вейгану – заместителю председателя Высшего военного совета и главнокомандующему в случае войны. Остается неясным, в какой мере Островский как «агент влияния» следовал директивам Москвы и с какими именно советскими ведомствами он сносился. Вполне вероятно, полагает директор исследований Исторической службы армии Ф. Гуэлтон, что Островский являлся сотрудником военной разведки, однако твердые данные на этот счет отсутствуют⁵. Во всяком случае, Островский выказал необычайные способности. «Хитрый как обезьяна, чувствительный к малейшим нюансам, -- вспоминал о нем первый военный атташе Франции в СССР Мендра, -- он угадывал направление ветра и управлял людьми как игрушками»⁶. К началу 1934 г. идея соглашения о взаимной помощи между СССР и Францией начала обсуждаться на официальном уровне. Парижская миссия Островского, таким образом, завершилась.

Н. Титулеску, назначив посланником Румынии в Москве своего бывшего секретаря Э. Чиунту (по обычным меркам – слишком молодого человека для такого поста), просил Литвинова прислать в Бухарест дипломата, удовлетворяющего следующим условиям: «а) не еврей; б) не выглядящий большевиком; в) умеющий говорить по-французски; г) способный

² По утверждению будущего маршала Ж. де Латтра де Тассиньи, Островский служил в кавалерии, причем являлся «начальником штаба армии Ворошилова» (Note sur l'évolution possible des relations entre la France et l'URSS, Paris, 25 oct. 1932 // J. de Lattre. Ne pas subir: écrits 1914-1952. P., 1984. P. 134). Де Латтр, склонный преувеличивать военный статус Островского, вероятно, таким образом воспринял ссылку на должность комиссара штаба армии или дивизии. В своих заметках де Латтр даже называл Островского «правой рукой Ворошилова». По всей вероятности, у Островского действительно были личные отношения с Ворошиловым (см.: Н. Ragsdale. The Butenko Affair: Documents from Soviet-Romanian Relations in the Time of the Purges, Anschluss and Munich // The Slavonic and East European Review. Vol. 79. No. 4 (Oct. 2001). P. 716).

³ F. Guelton. Jean de Lattre de Tassigny et les relations franco-soviétiques au début des années trente // Revue Historique des Armées. 2002. No. 2. P. 3-10. Благодарю преподавателя военной школы Сен-Сир Ф. Дессберга, обратившего мое внимание на эту исключительно ценную работу.

⁴ Ibid. P. 7.

⁵ Работа Островского в области сбыта нефтепродуктов предполагала частые поездки в Испанию, Бельгию и другие европейские страны. О другом работнике «Нефтесиндиката» (который «керосина сроду не видел, кроме как в лампах»), впоследствии – военном советнике при Гоминдане см.: В. Серж. От революции к тоталитаризму: Воспоминания революционера. М.; Оренбург, 2001. С. 222.

⁶ Ibidem.

обращаться с румынскими дамами». Литвинов ответил, что единственный человек, который бы отвечал этим требованиям, говорит по-немецки, но не по-французски⁷. Решительное отклонение Титулеску этого варианта было весьма показательным. Король, вдохновленный слухами о том, что Пилсудский договорился с Гитлером о проходе германских войск для нападения на СССР в случае советско-японской войны, весной неожиданно проявил живой интерес к вступлению в переговоры с Германией на этот счет. Ввиду ослабления польско-румынского союза, растущей немецкой активности в Румынии и неустойчивости политических воззрений Кароля II, министр желал видеть советским посланником в Бухаресте человека, который одновременно символизировал собою укрепление отношений между СССР и главным союзником Румынии – Францией. Эти расчеты в НКИД могли только приветствовать, что по всей вероятности, определило выбор в пользу Островского, несмотря на антисемитизм румынских политических кругов (который, впрочем, умерялся еврейским происхождением «дамы» короля). Заинтересованный в скорейшем прибытии советского посланника Бухарест без промедления предоставил агреман на назначение Островского.

В конце августа, еще оставаясь на посту торгпреда во Франции, Островский впервые встретился с Титулеску, который предупредил его о намерении жестко следовать «джентльменскому соглашению» с Литвиновым – впредь не касаться международного статуса Бессарабии. «Если когда-нибудь в Бухаресте осмелитесь поднять вопрос о Бессарабии передо мной или кем-то другим, – заявил Титулеску, – буду требовать, чтобы Вас отозвали в 24 часа. По этому пункту есть договоренность с г-ном Литвиновым». В ответ «г-н Островский с улыбкой признал, что он в курсе дела и будет с этим сообразовываться»⁸. 3 ноября 1934 г. назначение полпреда в Румынию было оформлено постановлением ЦИК СССР, и в декабре Островский выехал в Бухарест. Перемещение состоялось столь стремительно, что знакомиться с «историей существующих ныне в Румынии политических группировок» ему пришлось из посланного вдогонку информационного письма НКИД⁹.

Островский был принят в Бухаресте как желанный гость. Уже в начале января посланник, «усевшись и закурив», выслушивал комплименты короля по поводу миролюбивой политики СССР. Премьер национал-либерального кабинета Г. Татареску, высшие чиновники и деятели оппозиционных партий скоро стали частыми собеседниками полпреда. С вице-премьером и министром внутренних дел И. Инкулецом Островский был знаком со времен совместной учебы в Петербургском университете¹⁰, что чрезвычайно облегчило общение между советским полпредом и признанным борцом с «внутренним коммунизмом». Одновременно между Литвиновым и Титулеску установилось «сердечное сотрудничество» в Женеве и в Париже¹¹, где румынский министр сыграл немалую роль в успешном завершении переговоров о советско-французском договоре взаимной помощи. С начала года в Бухаресте шли толки о скором визите министра иностранных дел в Советский Союз. Успешный дипломатический дебют Островского (и возможно, разочарование в Чиунту, на которого НКВД быстро собрало компрометирующие материалы) побудили Наркоминдел расширить первоначальные полномочия полпреда и приобщить его к высшей дипломатии. В конце февраля 1935 г. Островский был вызван в Москву для получения от Литвинова «подробной информации», после чего НКИД «легко будет... держать через Вас активную оперативную связь с Титулеску»¹².

⁷ M. Palaret to J. Simon, Bucharest, June 21, 1934. – Public Record Office (далее – PRO). FO/371/18328/N3808. Возможно, Литвинов имел в виду советника берлинского полпредства С.С. Александровского, который в середине 1934 г. был направлен посланником в ЧСР.

⁸ Отчет Э. Чиунту Н. Петерску-Комнени, 4. 7. 1938 // Советско-румынские отношения 1917-1941. Документы и материалы (далее — СРО: ДиМ). В 2 т. Т. 2: 1935-1941. М., 2000. С. 200. О «джентльменском соглашении» см.: М.Д. Ерещенко. Румыния между Германией и Советским Союзом: политика без иллюзий // Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939-1941 гг. / Отв. ред. В.К. Волков, Л.Я. Гибианский. М., 1999. С. 335.

⁹ Письмо Н.Н. Крестинского М.С. Островскому, 26. 12. 1934 // СРО: ДиМ. Т. 1: 1917-1934. М., 2000. С. 430.

¹⁰ По другим данным – в Петербургском психоневрологическом институте.

¹¹ Письмо М.С. Островского Н.Н. Крестинскому, 29. 10. 1936 // СРО: ДиМ. Т. 2. С.108.

¹² Письмо Н.Н. Крестинского М.С. Островскому, 21. 2. 1935. – АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 17. П. 111. Д. 2. Л. 12.

Желая облегчить запоздалое налаживание связей СССР с Румынией и расширить базу проводимой Титулеску политики, в первой половине 1935 г. Москва сделала несколько символических жестов – обещание восстановить железнодорожное сообщение через Днестр, вступление в переговоры о торговом соглашении, возвращение румынам полутора тысяч ящиков (как предполагалось, с ценными архивными документами) и останков господаря Молдавии Д. Кантемира и т. д. Благодаря изобретательности Титулеску этим акциям был придан характер общенационального значения, тогда как посланник союзной Польши тщетно добивался аудиенции у министра или короля. Польский военный атташе сообщал в июне 1935 г.

«Министр Титулеску после своего возвращения из Парижа и Женева постоянно сидит в обществе советского посланника Островского. По случаю годовщины установления отношений с СССР он пришел к Островскому с несколькими бутылками старого коньяка, и они просидели в узком интимном кругу до 5-го часа утра. По случаю прибытия из СССР 1450 ящиков с румынскими архивами Титулеску снова вместе с Островским поехал в Констанцу, где они устроили выпивку в ресторане, после которой Островский в подвыпившем состоянии пожелал прочесть надпись на цоколе статуи Овидия, которая стоит на рынке в Констанце, для чего вся веселая компания, с редкостно говорливым и жестикулирующим Титулеску и с Островским, поддерживаемым под руку вице-министром Савелом Радулеску, отправилась к памятнику и там при свете месяца с трудом читала латинскую надпись... Иначе говоря, у Титулеску нет времени на встречи со своими коллегами по кабинету, ибо ни с кем из них по возвращении он не виделся, зато на Островского времени у него вдоволь»¹³.

Проницательный представитель Пилсудского не обманывался относительно того, что доверительное общение Титулеску с Островским должно было послужить прелюдией к переговорам, способным радикально изменить политическую ситуацию в Юго-Восточной Европе. Еще весной 1934 г., после того как румынам стали известны намерения Москвы и Парижа о создании региональной системы безопасности в Восточной Европе с участием Польши и Чехословакии, Титулеску предложил включить в нее и Румынию. Реакции СССР была холодной, Титулеску просили не осложнять и без того нелегкие переговоры. Провал идеи Восточного Локарно и заключение Советским Союзом двусторонних соглашений о взаимной помощи с Францией и Чехословакией в мае 1935 г. создали условия для выдвижения вопроса об аналогичном пакте между СССР и Румынией. С одной стороны, ее связывали с Чехословакией и Францией союзные обязательства, с другой – после того, как быстрая деградация советско-польских отношений сделала нереальным соглашение о северном варианте военного обеспечения союза СССР и Чехословакии¹⁴, использование территории и воздушного пространства Румынии оставалось единственным средством придать реальный вес политическим соглашениям Москвы с Парижем и Прагой. Советско-румынский пакт о взаимной помощи мог придать стабильность советско-французским отношениям: французы убедились бы в потенциальной эффективности платонического союза с Москвой, а Советы уверились бы в серьезном отношении к ним со стороны Парижа, что отвратило бы обе стороны от тайных поисков сепаратной договоренности с Германией. Сама Румыния становилась бы главным союзником Франции и привилегированным партнером СССР.

В конце июня 1935 г. Титулеску, преодолевая уклончивость французской дипломатии и заручившись согласием британской, добился от короля и правительства полномочий на заключение договора о взаимной помощи с СССР при условии формального признания суверенитета Румынии в отношении Бессарабии и сохранения польско-румынского союза. Телеграмму Островского, сообщившего об инициативе Бухареста, «очень обеспокоили»

¹³ Raport J. Kowalewskiego do Szefu Oddziału II Sztabu Głównego, Bukareszt, 17. 6.1 935. – Archiwum Akt Nowych (далее – ААН). Sztab Główny/616/173/535. В 1928-1933 гг. Я. Ковалевский являлся военным атташе Польши в Москве, в 1933-1937 гг. – в Бухаресте. Будучи превосходным разведчиком и дипломатом, он пользовался доверием Пилсудского и уважением в НКВД (см.: О. Кен. Москва и пакт ненападения с Польшей (1930-1932). СПб., 2003. С. 115).

¹⁴ К тому же в июне-июле 1935 г. Москва наотрез отказалась от обсуждения с договорами взаимной помощи с Литвой и Латвией.

Литвинова¹⁵. В отличие от договора СССР с Чехословакией, пакт с Румынией должен был предусматривать защиту румынских границ не только от нападения со стороны Германии, но и других стран – соседей Румынии. Это была высокая цена, однако выгоды соглашения с Румынией для политики коллективной безопасности могли быть неизмеримо большими. На это и делал ставку Титулеску, представляя в сентябре 1935 г. свои предложения наркому Литвинову. Он расценил их как небывалые и неоправданные и обвинил министра в попытке шантажа, когда тот дал понять, что если Россия не хочет получить в лице Румынии союзника, она может обнаружить на своей западной границе германского сателлита¹⁶. Литвинов не только отказался обсуждать румынские условия, но и по возвращении из Женевы воздержался от внесения в Политбюро предложения о переговорах с Румынией.

Импульс к его выдвижению дали осторожные настояния полпреда Островского, который каждые несколько дней беседовал с вернувшимся в Бухарест Титулеску. Тщательный анализ политической кампании против румыно-советского договора и попыток немецкой и польской дипломатии помешать дальнейшему сближению Румынии с Советским Союзом Островский сопровождал собственными комментариями. После некоторых колебаний он советовал Москве ухватиться за предложение Титулеску подписать договор аналогичный советско-чехословацкому пакту, определив в нем территорию Бессарабии как румынскую «только для того, чтобы установить, откуда должны выйти советские вооруженные силы в случае победоносного окончания войны». В спорах с оппонентами и королем Титулеску доказывал, что подписание договора с Советами не таит никакой дополнительной опасности. Напротив, если СССР пожелает силой занять Бессарабию, Румыния все равно будет не в силах этому помешать, тогда как дружественные отношения и ясное определение условий пребывания советских войск в случае войны создают дополнительные международные гарантии целостности Румынского королевства. Аналогичную аргументацию развивал в письме Литвинову и Островский, напоминая что «всякий договор... действует ровно столько времени, сколько хотят обе стороны, и тогда, когда это выгодно обеим сторонам». Понятно, соглашался он, что «гарантировать постоянную верность Румынии пакту о взаимопомощи с нами (СССР. – *Авт.*) никто не может», но его наличие в ближайшей перспективе затруднит германское проникновение в Румынию, расширит «трещину между поляками и румынами» и укрепит внутривосточные позиции Титулеску¹⁷.

19 ноября 1935 г. Политбюро разрешило «сообщить Титулеску, что если б он предложил заключение общего пакта о взаимной помощи, без исключения агрессии какого бы то ни было государства, то мы считали бы такое предложение дискуссионным, но что в определении границ надобности нет, т. к. этот вопрос может вызвать нежелательную дискуссию, а практически вопрос разрешен пактом (конвенцией. – *Авт.*) об определении агрессии»¹⁸. Между тем Титулеску, испытывая давление как польской дипломатии, которая использовала озабоченность румынских политиков и военных возможным распадом союза с Варшавой, изменил переговорную позицию. Он предложил взять за образец советско-чехословацкий договор, согласно которому обязательства взаимной помощи вступали в силу лишь при условии выполнения франко-советского пакта. Тем самым Советский Союз освобождался бы от необходимости защищать Румынию от нападения со стороны Венгрии и Болгарии, поскольку это не предусматривалось франко-румынским союзным договором. Одновременно, однако, Румыния избегала обязательства вступить в войну с Польшей, в случае если она совершит агрессию против СССР (и Франция, как ожидалось, не выступит

¹⁵ Письмо М.М. Литвинова М.С. Островскому, 29.06.1935 // СРО: ДиМ. Т. 2. С. 21. «Я, признаться, подозревал, что Титулеску рано или поздно заговорит о каком-либо пакте, но его нынешний план превосходит мои опасения» (Там же).

¹⁶ См.: D. B. Ligu. Romania and Great Powers, 1933-1940. Durham and L., 1989. P. 60-64.

¹⁷ Письмо М.С. Островского М.М. Литвинову, 19.11.1935 // СРО: ДиМ. Т. 2. С. 37-38. По всей вероятности, эта аргументация была представлена Островским и в телеграмме НКВД от 16 ноября, которая известна лишь в извлечениях (ДВП СССР. Т.18. С. 666).

¹⁸ Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б) и Европа: Решения «особой папки». 1923-1939 / Ред. Г. Адиевков и др. М., 2001. С. 332.

против нее). «Что касается определения территории, – сообщал полпред, – то он ни в коем случае не может согласиться на подписание текста, отдающего всю Румынию [с] руками и ногами Союзу без того, чтобы географически определить нынешний фактически[й] территориальный статус Румынии»¹⁹.

Островский советовал Литвинову начать переговоры на основе предложений Титулеску, поскольку предложенная им формула означает «завуалированное отсутствие формального признания» Москвой суверенитета Румынии над Бессарабией. «С Вашими рассуждениями на эту тему никак невозможно согласиться. – парировал нарком, – Завуалированное... отсутствие признания, но признание есть». Максимальная уступка, о которой Литвинов соглашался запросить Кремль, состояла в особом протоколе о выводе войск за те пределы, в которых они до начала вооруженного конфликта не находились²⁰. «В общем, Вы несомненно переоцениваете значение для нас пакта с Румынией», – заявлял Литвинов Островскому, ссылаясь на то, что подписание пакта не приведет к «окончательному» устранению опасности переориентации Румынии на Германию (как если бы в отношении какой-либо восточноевропейской страны было возможным «окончательно» устранить такую опасность)²¹. Литвинов внушал полпреду, что Титулеску надлежит осознать: «не мы предлагаем Румынии пакт, а наоборот ... и поэтому не ей нам ставить ультимативные условия»²². По существу, руководитель НКВД настаивал на том, чтобы в переговорах с Румынией Советский Союз выступал не в качестве великой державы, рассматривающей любые двусторонние вопросы с точки зрения своих широких жизненных интересов, а всего лишь как равный партнер. Односторонность аргументации и недомолвки в письмах и телеграммах, направлявшихся руководством Наркоминдела в Бухарест в конце 1935—начале 1936 гг., свидетельствовали об отсутствии серьезной заинтересованности Москвы в достижении соглашения с Румынией об оказании взаимной помощи, что позволяло СССР, с одной стороны, создать условия для стратегического взаимодействия с Чехословакией и, с другой, сдерживать германскую экспансию в Юго-Восточной Европе.

Беседы Литвинова и Титулеску на протяжении первой половины 1936 г. в Женеве и Лондоне не продвинули дела вперед, несмотря на то, что в марте 1936 г. с ратификацией франко-советского пакта отпал один из аргументов НКВД в пользу откладывания переговоров с румынами. В начале марта Титулеску обратился к Островскому с просьбой поехать в Москву и сообщить Литвинову, что он готов нанести визит в СССР для подписания пакта²³. Чехословацкие дипломаты и военные с нетерпением ожидали заключения советско-румынского договора, который должен был стабилизировать международное положение Чехословакии и открыть возможность к оказанию ей помощи со стороны как СССР, так и Румынии²⁴. На конференции стран Малой Антанты в середине июня Титулеску просил президента Бенеша о посредничестве, одновременно сообщая о намерении в течение двух недель предпринять визит в Россию для достижения окончательной договоренности²⁵.

¹⁹ Запись беседы М.С. Островского с Н. Титулеску, 27-28. 11. 1935 // СРО: ДиМ. Т. 2. С. 45.

²⁰ Письмо М.М. Литвинова М.С. Островскому, 13. 12. 1935 // Там же. С. 51-53. 15 января 1936 г. эта позиция была одобрена Политбюро (Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б) и Европа. С. 334).

²¹ Письмо М.М. Литвинова М.С. Островскому, 13. 1. 1935 // СРО: ДиМ. Т. 2. С. 58-59.

²² Письмо М.М. Литвинова М.С. Островскому, 13.12.1935. С. 51.

²³ Zpráva J. Šeby MZV, Bukurešť, 18.03.1936 // Československá zahraniční politika v roce 1936. Sv. 1 (далее – ČZP:1936/1). Praha, 2003. S. 263. Советская запись этой беседы не обнаружена. В середине марта Островский выехал в Москву. Согласно сообщению чехословацкого посланника в Бухаресте, это произошло по инициативе самого полпреда, согласившегося с просьбой Титулеску; не менее вероятно, что он был вызван для обсуждения ситуации, созданной ратификацией франко-советского договора и одновременным расторжением Германией Локарнских соглашений.

²⁴ Raport B. Kwiecińskiego do Szefu Oddziału II Sztabu Głównego, Praga, 30. 6. 1935. – AAN. Sztab Główny/616/236/428-429; Zpráva J. Šeby MZV, Bukurešť, 20. 3. 1936 // ČZP: 1936/1. S. 271.

²⁵ Zápis o rozhovorech E. Beneše z princem-regentem Pavlem, králem Carolem II a N. Titulescu, [11. 06. 1936] // Ibid. S. 472.

Поездка Титулеску в Москву в очередной раз была отложена. 29 июня в ходе встречи с Титулеску в Женеве Литвинов выразил ему недоверие, указав на растущее расхождение между румынской дипломатией и обстановкой внутри страны. Он «позволил себе сказать открыто, что Румыния находится на пороге гитлеризации, что наше (либеральное. – *Авт.*) правительство будет в скором времени заменено правым правительством, что в целом то, что происходит в Румынии сводится к сближению Румынии с Германией против России. Литвинов сказал мне (Титулеску. – *Авт.*) буквально, что сожалеет о своей политике в течение четырех лет... об исключении бессарабского вопроса из дискуссии, поскольку дружественные жесты Советов не дали никакого результата». «...Если мы хотим проводить прогитлеровскую политику, – парировал румынский министр, – почему мы готовы подписать договор о взаимопомощи с Советами, от которого Советы постоянно отказываются?». «Вы что, г-н Титулеску, думаете, что мы заключим договор о взаимопомощи с такими странами как ваша, в завтрашней судьбе которой мы не уверены? Мы будем смешны, если мы, Советы стали бы сегодня союзниками Румынии, чтобы завтра вы стали союзниками Германии, – вызовом отвечал Литвинов. Разъяснение советских мотивов он сопроводил неприкрытой угрозой: «Отныне мы знаем, что сделаем, чтобы защитить свои интересы, когда вы будете в руках немцев». Возмущенный Титулеску заявил, что не допустит, чтобы полномочного представителя Румынии рассматривали в качестве «безмозглой куклы», «используемой другими в своих целях». «...Я, который Вас любил, говорю теперь, что ненавижу и говорю это в лицо, хотя Вы представляете 170 млн человек»²⁶. Этот эмоциональный разговор не привел к переменам в советской позиции. Подводя в июле 1936 г. итоги годичных переговоров о пакте взаимопомощи с Румынией, нарком констатировал сохранение двух разногласий: относительно определения территории и возможности сохранения Румынией нейтралитета в случае нападения Польши на СССР. «Согласовав здесь (в Москве. – *Авт.*) вопрос с инстанцией», первый заместитель наркома подтвердил Литвинову, что «здесь с ним вполне согласны и считают нецелесообразным идти на какие-либо дальнейшие уступки»²⁷.

Таким образом, неуступчивость советского руководства вызывалась отсутствием заинтересованности в договоре взаимной помощи, если он не сопровождается разрывом польско-румынского союза и отказом Румынии от надежд окончательного определения ее границ. Выполнение этих требований была равносильно превращению Румынии в советский протекторат²⁸. Их выдвигание, как и отчужденное отношение к перспективам сотрудничества СССР и Румынии на деле не могло не способствовать ее «гитлеризации». Неуступчивость в отношении национальных интересов Румынии сопровождалась подчеркиванием со стороны советской миссии своей ориентации на национально-крестьянскую партию; французский посланник опасался, что расточаемые этой партией похвалы чреватые ее компрометацией²⁹. Борьба между историческими партиями и новыми правонационалистическими группами, подталкивавшими правительство к ориентации на Гитлера и Муссолини в 1935-1936 гг. развивалась в неблагоприятном направлении. Правительство либералов, несмотря на традиционный антикоммунизм, стремилось ограничить влияние на внутривластическое положение со стороны Германии, Италии,

²⁶ Телеграмма Н. Титулеску в МИД Румынии, Женева, 30. 6. 1935 («только для Его Величества короля и Председателя Совета министров») // Там же. С. 68-69. Рассказывая чехословацкому министру иностранных дел о беседе с Титулеску, Литвинов дополнил свою аргументацию тезисом о том, что советские претензии на Бессарабию будут полезны как обоснование советского вмешательства в случае немецкого вторжения в Румынию, что можно считать предвосхищением польского сценария сентября 1939 г. (см.: *Záznam rozhovoru K. Krofty s M.M. Litvinovem, Ženeva, 2. 7. 1936 // ČZP: 1936/1. S. 537*)

²⁷ Письмо Н.Н. Крестинского М.С. Островскому, 13. 7. 1935 // Там же. С. 71.

²⁸ И без того, при несопоставимости сил двух государств и их непосредственном соседстве, полагал преемник Титулеску, «договор о взаимопомощи означал бы... одностороннюю помощь Румынии со стороны России, то есть русский протекторат» (Запись беседы В. Антонеску с М.М. Литвиновым, Женева, 25. 5. 1937 // Там же. С. 145).

²⁹ D'Ormesson à Delbos, Bucarest, 15. 6. 1936 // Document diplomatiques français 1932-1939 (далее – DDF). 2e sér. T. II. P. 459.

Польши. В начале лета 1935 г., когда, как с грустью констатировал польский атташе в Бухаресте, «совдеповцы ходили здесь как павы, уверенно и свободно», а немцы пребывали в «бессильном бешенстве»³⁰, не кто иной как Титулеску попытался привлечь внимание Литвинова к необходимости адекватного противодействия германской активности и «как бы упрекал меня (Литвинова. – *Авт.*) в отсутствии с нашей стороны контрпропаганды». Нарком отделался высокопарной фразой о том, что «мы никакой пропагандой нигде не занимаемся, не тратим на это никаких денег и прессы не покупаем»³¹. До известной степени такая позиция была оправдана – как отмечалось выше, к середине 1935 г. советская сторона уже предприняла ряд пропагандистских по своему существу акций, демонстрируя свою волю к равноправным добрососедским отношениям. К концу 1935 г. положение стало меняться, первоначальный импульс был исчерпан, из-за разногласий по пакту взаимопомощи намеченный на ноябрь визит Титулеску в Москву был отменен, а кризис в переговорах о пакте взаимопомощи реанимировал активность дипломатии Польши и Германии, Италии и Югославии, которые, каждая по своим мотивам, попытались сдержать дрейф Румынии в объятия России.

Островский стал проявлять тревогу. «Необходимо что-то сделать для вовлечения в нашу орбиту, вернее затронуть нашей работой военные круги, которые не были затронуты или почти не были ею затронуты»³². Почву для этого можно нащупать. Обстановка в строевых частях, в особенности в части младшего и среднего офицерского корпуса для этого благоприятная...», – писал он наркому, прося содействовать получению копий фильмов «Чапаев» и «Киевские маневры» для руководящего состава Генштаба³³. Получил ли он их, неясно; для регулярных контактов с румынскими военными в Бухарест требовалось направить советского военного атташе. Москва относилась к этому индифферентно, и Румыния оказалась единственной страной, которая не имела военного представителя в составе своей дипломатической миссии в Москве. Когда в сентябре 1936 г. Островский благожелательно выслушал пожелания начальника Генштаба Н. Самсоновича относительно обмена военными атташе между «завтрашними союзниками»³⁴, то получил реприманд со стороны Крестинского. Сам Крестинский не возражал против обмена атташе, но и не считал нужным воздействовать на Наркомат обороны, тогда как Ворошилов был «не склонен посылать в Бухарест самостоятельного военного атташе» и соглашался поставить этот вопрос перед «инстанцией» лишь в случае официального обращения румынской стороны³⁵.

Сходное положение складывалось и в других, более «невинных» областях, нежели военные контакты или оказание технической помощи (с запросом на этот счет безуспешно обращался «румынский Крупп» Малакса, участниками в прибылях которого являлись король и «дама»). Безусловно, у каждого из советских ведомств были собственные заботы, и Островский со знанием дела иронизировал над своими недавними «товарищами из НКВТ, действия которых не всегда доступны разуму обыкновенных людей, не принадлежащих к племени Внешторга»³⁶. Для Высшего совета физической культуры Румыния была «слишком маленькой страной, которой нашим физкультурникам, вышедшим в люди, заниматься

³⁰ List J. Kowalewskiego do Szefu Oddziału II Sztabu Głównego, Bukareszt, 18. 6. 1935. – ААН. Sztab Główny/616/173/541; List J. Kowalewskiego do Szefu Oddziału II Sztabu Głównego, Bukareszt, 26. 7. 1935. – Ibid/530.

³¹ Письмо М.М. Литвинова М.С. Островскому, 1. 6. 1935. – АВП РФ. Ф.0125. Оп. 17. П. 111. Д. 2. Л. 27. Действительно, в 1935 и 1936 гг. полпредство в Румынии не получало сколько-нибудь значительных «специальных» средств на оплату информаторов и субсидирование прессы (см.: S. Dullin. Des hommes d'influences: Les ambassadeurs de Staline en Europe 1930-1939. P., 2001. P.209).

³² В октябре 1935 г. советские летчики и парашютисты приняли участие в авиационном слете в Бухаресте, проводившемся королевским аэроклубом.

³³ Письмо М.С. Островского М.М. Литвинову, 2. 1. 1936 – АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 18. П. 112. Д. 1. Л. 23.

³⁴ Самсонович пояснил, что Генштаб с апреля 1935 г. ожидал от СССР как «великой державы» проявления инициативы об обмене военными атташе (Запись беседы М.С. Островского с Н. Самсоновичем, 21. 9. 1936 // СРО: ДиМ. Т. 2. С. 91)

³⁵ Письмо Н.Н. Крестинского М.С. Островскому, 13. 10. 1936 (№ 2255). – АВП РФ. Оп.18. П.112. Д.2. Л.17.

³⁶ Письмо М.С. Островского Н.Н. Крестинскому, 17. 6. 1936. – Там же. Д.1. Л.178-177.

некогда»³⁷. «Немцы посылают сюда лыжную команду, венгры, поляки – только мы одни считаем невозможным спуститься до румын», – констатировал Островский³⁸. Что же касается печального известного Всесоюзного общества культурной связи с границей, то, по утверждению советника полпредства, оно «до сих пор Румынию не признало. Прошло уже больше года после возобновления дипломатических отношений между СССР и Румынией, но ВОКС ничего не сделал для того, чтобы начать свою работу в Румынии»³⁹. Свой вклад в деградацию «сердечных отношений» с Румынией внесло и НКВД, запретившее использование воздушного пространства над Сибирью для рекордного кругосветного полета князя Кантакузена, что не только лишало СССР возможности «без особой драки попасть в большие забияки», но и создавало ему «лишних недругов в румынском дворе, обществе, где у нас их и так мало, и в авиации, где мы насчитываем только друзей, которых нам нечего терять»⁴⁰.

Настояния Островского в большинстве случаев оказывались бесплодны⁴¹. С одной стороны, советские ведомства явно не имели ориентировки свыше на благоприятное отношение к запросам румынской стороны. С другой, в самом НКВД придавали преувеличенное значение выпадам румынской прессы против французских социалистов или запрету отдельных номеров советских газет, и полпреду приходилось защищаться от упреков в недооценке «немецкой опасности» в Румынии. Действительно, писал он во 2-й Западный отдел в конце июня 1936 г.,

«никогда немцы не имели для себя такой благоприятной обстановки для работы в Румынии как сейчас. Обстановка создалась сама собой, но которую они используют всю, питая ее своими фондами.

В этом основная разница между работой немцев и нашей.

Мы полагаемся на три элемента румынской политики: 1) наше непосредственное соседство, 2) настроение большинства народных масс и 3) Титулеско.

Эти три элемента действительно существуют и имеют неоспоримую ценность в нашей политической игре.

Мы положились на эти элементы и почием на лаврах.

Мы ничего не делаем для подкрепления имманентного действия этих трех элементов ни политически, ни экономически: мы за четыре месяца ничего не купили и ничего не продали в Румынию. И даже Титулеско, который никогда не интересуется экономическими вопросами, не без ехидства меня «мимоходом» спросил: «А дала ли какие-нибудь результаты наша торговая конвенция, и какие?». Я, разумеется, начал жаловаться на тутошные порядки, на задержку в выдаче лицензии, на задержку в открытии счета в Нацбанке и т. д., но по существу я благодарил это стечение обстоятельств, которое дает возможность нам иметь законные основания для нашей бездеятельности и разыгрывать свою роль»⁴².

Эти рассуждения Островского датированные тем самым днем, когда в Женеве разыгралась описанная выше решительная сцена между Литвиновым и Титулеску, позволяют лучше оценить драматизм ситуации. Холодность Москвы к договору о взаимной помощи и нежелание предпринять энергичные шаги по наполнению советско-румынских отношений реальным содержанием превращали обвинения Литвинова по адресу Румынии в самосбывающееся пророчество. Поведение СССР играло на руку противникам Титулеску, оказавшимся под огнем критики на неспособность добиться успеха в избранном им направлении. Измученный министр решил на крайнее средство. По возвращении из Женевы, он подал королю прошение об отставке. Премьер-министр с облегчением

³⁷ Письмо Б.Д. Виноградова Д.Г. Штерну, 24. 12. 1935. – Там же. Л.4.

³⁸ 6. – Там же. Л.92.

³⁹ Письмо Б.Д. Виноградова Д.Г. Штерну, 24. 12. 1935. – Там же. Л.5. Эта жалоба особенно показательна, поскольку с конца 1933 г. ВОКС возглавлял бывший полпред СССР в Чехословакии А.Я. Аросев.

⁴⁰ Письмо М.С. Островского Н.Н. Крестинскому, 29. 6. 1936. – Там же. Л.180.

⁴¹ О сходных призывах полпреда СССР в Чехословакии С.С. Александровского (расширением сотрудничества с ЧСР и Румынией «укреплять хребет чехам») см.: О. Кен. Чехословакия в политике Москвы (1932-1936 гг.) // Россия XXI. 1997. № 1-2. О трагической судьбе Александровского см.: А. Остальский. Жизнь и смерть дипломата // Вовремя. 1999. 12 апр.

⁴² Письмо М.С. Островского Г.Я. Бежанову, 29. 6. 1936. – АВП РФ. Оп. 18. П. 112. Д. 1. Л. 200.

поддержал уход своего амбициозного коллеги, находя, что «некоторые его преувеличения... в вопросе отношений с СССР» лишают Титулеску «большой части симпатий румынского общественного мнения». Титулеску оказался сильнее, и вскоре по поручению короля к нему явились ведущие члены кабинета (И. Инкулец и В. Антонеску), обещая удовлетворить все его условия. Совет министров официально солидаризировался с проводимой Титулеску политикой и, «имея в виду подписание договора о взаимопомощи с СССР», решил принять «некоторые меры для успокоения Советов» – организовать соответствующие публикации в прессе и выступления на публичных собраниях. «...В области внешней политики мы за соглашение с СССР, союзником наших союзников – Франции, Чехословакии, Турции, соглашение, которое только и может придать этим союзам эффективность», – говорилось в коммюнике кабинета министров. Полномочия Титулеску на заключение договора были подтверждены без всяких условий⁴³.

Несколькими днями позже, 20-21 июля Титулеску и Литвинов достигли соглашения по основным пунктам договора о взаимной помощи, впервые парафировав письменный документ («бумажку», по выражению наркома⁴⁴). Договор должен был выглядеть наподобие советско-чехословацкого или советско-французского, но быть направлен против любого европейского агрессора (а не только Германии). Вопрос об «определении территории» договаривающихся сторон был Титулеску снят. Правительство СССР должно было обязаться ввести свои войска за Днестр лишь по официальной просьбе королевского правительства и по такой же просьбе немедленно вывести их обратно (Титулеску не обманывался относительно поведения СССР в такой ситуации, но желал иметь оправдание перед историей). При этом Литвинов письменно закрепил неприемлемость для СССР тезиса о том, что «вступление в действие каждой из двух стран» должно произойти «только после того, как Франция вступит в действие», без чего Титулеску подписать соглашение не мог⁴⁵. Таким образом, советская сторона окончательно отказалась принять в отношении Румынии оговорку, на которой годом ранее настаивала сама в переговорах с Чехословакией⁴⁶. Единственное объяснение этой позиции состояло в том, что приоритетное значение для СССР имело не заключение с договора, позволяющего стабилизировать дружественные отношения с Румынией и обеспечить эффективность пактов взаимопомощи с Францией и Чехословакией, а «политический интерес», состоявший «в отделении Румынии от Польши»⁴⁷. Этот вывод пришлось сделать уже новому министру иностранных дел Румынии Виктору Антонеску: время, отпущенное Титулеску на достижение прорыва в отношениях с СССР, истекло. Перекос румынской политики в сторону СССР затруднял дипломатическое маневрирование и осложнял положение Румынии. 29 августа Г. Татареску добился от короля реформирования правительства, избавившись таким образом от неспособного выполнить свои обещания Титулеску⁴⁸.

Новое либеральное правительство провозгласило своей задачей сохранение политики Титулеску в отношении СССР, однако ни в полпредстве, ни в НКВД на этот счет не было никаких иллюзий. Отношения Бухареста и Москвы вступали в новую фазу, и Островский испытывал горечь от того, что имевшиеся возможности были советской дипломатией навсегда упущены:

⁴³ Коммюнике Совета министров Румынии, 16. 7. 1936 // СРО: ДиМ. Т. 2. С. 73.

⁴⁴ Письмо М.М. Литвинова М.С. Островскому, 13. 11. 1936 // ДВП СССР. Т. 19. С. 565.

⁴⁵ К проекту договора о взаимопомощи между Румынией и СССР, Монтре, 21. 7. 1936 // СРО: ДиМ. Т. 2. С. 82-83.

⁴⁶ Ранее высказанные на этот счет соображения (О. Кен. Указ. соч. // Россия XXI. 1996. № 11-12. С. 104-112) подтверждает недавно опубликованное постановление Политбюро от 4 мая 1935 г. Оно предписывало: «В пакте должно быть ясно сказано, что помощь против нападения на территорию СССР и Чехословакии оказывается лишь в тех случаях, когда на помощь жертве нападения выступает и Франция» (Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б) и Европа: Решения «особой папки». С. 326).

⁴⁷ Телеграмма В. Антонеску в МИД Румынии, Женева, 30. 9. 1936 // СРО: ДиМ. Т.2. С. 96.

⁴⁸ Закулисная история «реконструкции кабинета» подробно изложена в записке Островского Штерну от 31 августа (АВП РФ. Ф.0125. Оп.18. П. 112. Д.1. Л. 271-272).

«...Если бы мы закрепили при Титулеску наши отношения, превратили бы «*préjugé très favorable*» в какой-нибудь акт, сделали бы что-нибудь существенное – одним словом, оставили бы какой-нибудь политический след, переход Румынии к иной политике... был бы значительно затруднен, как он затруднен в Праге и Париже.

Следует ли нам сейчас поэтому считать, что, не сделав в свое время ничего для закрепления наших отношений, что сейчас уже поздно, что все потеряно, и подчинившись неизбежности принять позицию, прямо враждебную Румынии, или остаться в выжидании?

Первую позицию мы отвергли, вторая позиция, если мы будем ее последовательно держать, фатально выродится в первую... Это скверная политика, это отсутствие политики; политика же *mauvaise humeur* и раздражительности по отношению к Румынии – еще хуже»⁴⁹.

Формулировка Островского («политика дурного настроения и раздражительности») метила в самого Литвинова, о поведении которого летом 1936 г. полпреда несомненно информировал Титулеску⁵⁰. Нарком сдержал обиду, но отвечая Островскому иначе расставил акценты советской политики по отношению к Румынии:

«Я согласен с Вашими выводами относительно позиции, которую мы должны теперь занимать в отношении Румынии, что мы не должны, конечно, говорить ей, что уже поставили крест на наших отношениях, а должны все усилия употреблять к сохранению, по крайней мере, нынешнего уровня отношений, если нельзя его поднять. Такая наша позиция будет, однако, пассивной в том смысле, что мы не будем пока предлагать Румынии никаких пактов или заключения других политических актов»⁵¹.

В феврале 1937 г., после официального визита в Варшаву, Антонеску публично заявил о том, что Румыния не намерена заключать с СССР договора о взаимной помощи. В беседе с румынским посланником «г-н Литвинов поздравил себя, что оказался ясновидящим в вопросе о договоре взаимопомощи между нами. Подобный договор был бы сегодня основан на песке... Отношения между Советами и Румынией сегодня не могут быть такими в прошлом, поскольку Румыния стала пленницей Польши»⁵². Островский не разделял брутального пессимизма Литвинова⁵³ (как, по всей вероятности, и параноидальной подозрительности в отношении Варшавы и румыно-польских отношений⁵⁴).

Переписка полпреда с НКВД свидетельствует о его растущей неуверенности в приемлемости для Москвы своих оценок политической обстановки и о попытках приспособиться к официальной позиции⁵⁵. Не меньшее раздвоение у Островского должны было вызывать и открывшаяся в августе 1936 г. кампания против «право-троцкистского блока». В конце октября 1936 г. на завтраке у Антонеску полпред говорил, что его беспокоит «разнузданность прессы по отношению к моей стране»⁵⁶, но только ли международный престиж СССР беспокоил его? В первые дни января, давая в письме Литвинову, взволнованную характеристику того, как попустительство Франции в отношении Польши и Югославии фактически склоняет румын к сближению с Германией, Островский восклицал: «Не искушайте малых сих! А Блюм и Дельбос искушают...»⁵⁷. Только ли французских руководителей имел в виду Островский, обрушиваясь на близорукий эгоизм великой

⁴⁹ Письмо М.С. Островского Н.Н. Крестинскому, 29. 10. 1936 // СРО: ДиМ. Т.2. С. 108-109.

⁵⁰ См.: Запись беседы М.С. Островского с И. Инкулецом, 16. 7. 1936 // Там же. С. 78.

⁵¹ Письмо М.М. Литвинова М.С. Островскому, 13. 11. 1936 // ДВП СССР. Т. 19. С. 566-567.

⁵² Телеграмма Э. Чиунту в МИД Румынии, 16. 2. 1937 // СРО: ДиМ. Т. 2. С. 116.

⁵³ «Титулеску очень зол на Вас за Вашу веру в короля и Татареску», – не преминул сообщить Литвинов Островскому (Письмо М.М. Литвинова М.С. Островскому, 13. 6. 1937 // Там же. С.148).

⁵⁴ Наряду с некоторыми нюансами в докладах Островского заслуживает внимания следующий эпизод. Встретившись с польским аташе вскоре после смерти Пилсудского, Островский уклонился от обсуждения политической конъюнктуры и вместо этого «начал говорить в самых превосходных степенях о г-не Маршале, сравнивая его с Лениным. Следует признать, что говорил он хорошо и, по моему впечатлению, искренне» (List J. Kowalewskiego do Szefu Oddziału II Sztabu Głównego, Bukareszt, 18. 6. 1935. – AAN. Sztab Główny/616/173/541).

⁵⁵ Ср. почти противоположные оценки румыно-польских отношений в письмах Островского Литвинову 3 и 31 января 1937 г. (АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 19. П. 114. Д. 1. Л. 424, 352).

⁵⁶ Запись М.С. Островского «Завтрак у Антонеску (МИД)», 25. 10.1936. – Там же. Оп. 18. П. 112. Д. 1. Л. 351.

⁵⁷ Письмо М.С. Островского М.М. Литвинову, 3. 1. 1937. – Там же. Оп. 19. П. 114. Д. 1. Л. 428.

державы, искушающей провинциальный Бухарест? И только ли о судьбе Румынии или и о своей собственной он думал, говоря о «малых сих»?

В связи с январским процессом (над Сокольниковым, Пятаковым, Радеком и др.) Островский обратился с письмом к наркому, спрашивая, следует ли ему как бывшему «троцкисту» отказаться от заграничной работы. В начале февраля 1937 г. Литвинов, пересылая Сталину письмо полпреда, предложил подтвердить, что руководство страны ему по-прежнему доверяет. «Я не слышал, чтобы имелись малейшие подозрения в отношении него, – писал Литвинов, – и поэтому не вижу смысла в его добровольном отъезде». Несколько днями позже, узнав от Поскребышева, что решение об отзыве Островского все же принято, нарком вновь обратился к Генеральному секретарю. На этот раз Литвинов, ссылаясь на недостаток кадров и недавний отзыв из Бухареста советника полпредства Комаровского, рекомендовал отложить возвращение Островского до конца 1937 года⁵⁸. Пока же его вызывали «для доклада»⁵⁹.

В середине марта 1937 г., получив от премьер-министра Татареску (в присутствии И. Инкульца) заверения о том, что Румыния является союзником СССР и обязательно оформит это положение заключением договора о взаимной помощи, полпред выехал в Москву. 27 марта Островский в сопровождении Литвинова был принят Сталиным, в кабинете которого находились также Молотов, Каганович, Ворошилов и Микоян⁶⁰. Беседа, продолжавшаяся около часа, вселила в Островского новые надежды. Он сообщил своему румынскому коллеге, что остается на своем посту «до реализации некоторых планов»⁶¹. По всей вероятности, в Кремле полпред получил полномочия на заявление, которое он сделал министру иностранных дел месяц спустя: «...Если бы румыны предложили нам возобновить переговоры, прерванные уходом Титулеску, или начать заново переговоры согласно заявлению Татареску, мы бы приняли это предложение к добросовестному изучению в духе максимальной благожелательности»⁶². Вряд ли в Москве рассматривали этот демарш иначе, нежели тактическую уловку с целью затруднить сближение Румынии с Польшей и Югославией.

Реакция румынской дипломатии была предсказуемой: преодолев интимность времен Титулеску, она в ответ требовала от СССР признания целостности государства. В. Антонеску заявил, что Румыния желала бы заключить с Советским Союзом «договор о дружбе, наподобие итало-югославского». Такой договор «необходимым образом должен был бы содержать, как основу, признания де-юре присоединения Бессарабии к Румынии»⁶³. Политбюро без промедления запретило «связывать переговоры о том или ином пакте с вопросом о Бессарабии»⁶⁴. Попытка французов убедить Москву в том, что настал момент ухватиться за предложенную Бухарестом румынами «руку дружбы и укрепить связи, соединяющие две страны, укрепляя тем самым гарантии мира», успеха не имела⁶⁵. «Смехотворные предложения Антонеску о легализации захвата Бессарабии» Литвинов расценил как ведущие лишь к расторжению «джентльменского соглашения», в соответствии с которым ни одна из сторон не затрагивает сложившегося положения⁶⁶. К осени 1937 г. с идеей пакта румыно-советской дружбы было покончено. Тем самым во многом был предreshен мюнхенский исход международных кризисов наступающего 1938 года.

Полпреду оставалось бессильно наблюдать за крахом европейского порядка, разрушением конституционного режима в Румынии и нарастающем терроре в собственной

⁵⁸ S. Dullin. Op. cit. P. 242-243.

⁵⁹ См.: Запись беседы М.С. Островского с В. Антонеску, 1. 3. 1937. – АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 19. П. 114. Д. 1. Л. 314.

⁶⁰ Посетители Кремлевского кабинета И.В. Сталина: Журналы (тетради) записи лиц, принятых первым генсеком, 1924-1953 // Исторический архив. 1995. № 4. С. 47.

⁶¹ Телеграмма Э. Чиунту в МИД Румынии, 16. 2. 1937 // СРО: ДиМ. Т. 2. С. 135.

⁶² Запись беседы М.С. Островского с В. Антонеску, 28. 4. 1937 // Там же. С. 141.

⁶³ Телеграмма В. Антонеску в миссию Румынии в СССР, 29. 4. 1937 // Там же. С. 143.

⁶⁴ Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б) и Европа. С. 351.

⁶⁵ Coulondre à Alphand, Moscou, 4. 05. 1937 // DDF. 2e sér. T. V. P. 669.

⁶⁶ Письмо М.М. Литвинова М.С. Островскому, 8. 8. 1937 // СРО: ДиМ. Т.2. С. 168.

стране. Отзыв Островского из Бухареста становился делом ближайшего будущего. В июне 1937 г. были арестованы Крестинский (двумя месяцами ранее снятый с поста первого заместителя наркома) и заведующий 2-м Западным отделом Штерн. Во второй половине 1937 г. были отозваны полпреды в Германии (Юренев), Турции (Карахан), Австрии (Я. Подольский), Испании (Розенберг), Дании (Тихменев), Венгрии (Бекзадян), Латвии (Бродовский), Литвы (Б. Подольский), Греции (Кобецкий), Норвегии (Якубович), Польши (Давтян), Финляндии (Асмус). В хорошо известном Островскому внешнеторговом ведомстве вслед за наркомом Розенгольцем были арестованы почти все его заместители, а большинство торгпредов вызвано в Москву⁶⁷. Осенью 1937 г. Бухарест пришлось покинуть первому секретарю полпредства Белько.

Жизнелюбивый человек и проницательный аналитик, полпред, должно быть, утратил к тому времени особые иллюзии относительно «коллективной безопасности» и эволюции советского строя. В прошлом сторонник Троцкого, проведший полтора десятилетия за границей, на протяжении последних лет тесно общавшийся с «Иваном Константиновичем» – всемогущим шефом румынской полиции Инкулецом, он был идеальным кандидатом на казнь.

Островский попытался спастись. В начале октября 1937 г. он дал знать в Париж своему старому знакомому Мустафе Ибрагимову, что «он тоже хочет остаться за пределами России, если отыщет способ правового обеспечения своего гражданского и материального положения», и просил дать ему совет⁶⁸. Не располагая средствами для поездки в Бухарест, Ибрагимов обратился за помощью к резиденту польской разведывательной сети «Пилигрим», который обещал всяческую помощь, включая предоставление Островскому польского паспорта⁶⁹. По просьбе Ибрагимова, Халил Хотин, лично знавший Островского по прежним временам, приехал из Стамбула в Париж и, получив подробные инструкции, отправился в Бухарест. В середине декабря он несколько раз встречался с Островским, после чего вернулся в Стамбул.

В начале января 1938 г. Хотин получил от Островского новую просьбу о помощи. Полпреда вызывали в Москву. В печати сообщалось, что после образования кабинета профашистской национально-христианской партии присутствие советского посланника не считается полезным⁷⁰. Сведения о контактах Ибрагимова с советским полпредом между тем достигли реферата «Восток» в Варшаве, где решили завербовать Хотина и вступить в прямой контакт с Островским. В дело был вовлечен и посланник Польши в Румынии М. Арцишевский, который пригласил коллегу к себе на завтрак. 19 января у Арцишевского Островского ожидали ротмистр Балиньский и капитан Папроцкий. По их свидетельству,

«Островский производил впечатление очень нервного и подавленного человека. Его состояние еще больше ухудшилось после сообщения посланника Арцишевского о получении из МИД депеши об отзыве посланника СССР Островского в Москву вследствие якобы имеющихся у него контактов с троцкистской оппозицией.

На завтраке представители Центра не делали Островскому никаких предложений и удовлетворились личным знакомством, что в последующем помогло бы им в беседах на нейтральной почве».

Нетрудно себе представить, сколь унижительным был для Островского завтрак в польской миссии. Попасть в руки иностранной спецслужбы, по-видимому, совершенно не входило в его намерения. Он не пожелал впредь видеться с завербованным поляками Хотинем, поручив своей связной (молодой женщине по фамилии Лутц) передать ему, что «обстановка изменилась» и помощь более не требуется. Поляки терялись в догадках:

⁶⁷ См.: S. Dullin. Op. cit. P. 334-338; А.И. Микоян. Так было: Размышления о минувшем. М., 1999. С.337.

⁶⁸ М. Ибрагимов пользовался влиянием в турецких правительственных кругах, в частности у министра внутренних дел.

⁶⁹ Этим резидентом являлся Виктор Васильевич Богомолец (1895 -- позднее 1940), уроженец Киева, с 1920 г. сотрудничавший также с Intelligence Service (Предисловие к описи фонда № 221 Центра хранения историко-документальных коллекций (в настоящее время – в составе Российского государственного военного архива) (далее -- ЦХИДК / РГВА).

⁷⁰ The Times. 1938. 12 Jan.

«Островский либо получил гарантии безопасности (что мало правдоподобно), либо остается на каком-то заграничном посту, либо еще ранее получил убежище в каком-либо государстве. В любом случае, в настоящий момент вести переговоры об убежище он не желает». Позднее Ибрагимов был убежден, что решение Островского объяснялось тем, что он желал иметь дело только с ним. Но в те дни Ибрагимов, введенный в заблуждение польским резидентом в Париже, молчал. «Не имея сведений от меня, мой друг прождал около 15 дней и наконец бросил все и уехал в Москву»⁷¹. Это случилось 4 февраля 1938 г.

Временный поверенный в делах СССР в Румынии – прибывший в Бухарест несколькими неделями ранее советник Ф. Бутенко исчез через два дня после отъезда Островского. Он не стал ни искушать судьбу, ни чураться связей с иностранными разведками и уже через две недели давал в Риме интервью «Giornale d'Italia». Помимо прочего Бутенко рассказал, что 3 февраля из Вены прибыл и занял третий этаж полпредства некий «подозрительный индивидуум», назвавший себя Тарамановым (Тормановым)⁷². Это обстоятельство должно было заставить Островского более не откладывать окончательный выбор. На его решение, наверное, повлиял и ложный сигнал о наступлении «оттепели», поданный январским пленумом ЦК ВКП(б).

...По возвращении в Москву Островскому оставалось жить совсем немного. Сведения о его многолетнем пребывании в заключении в Норильске (чуть ли не до 1953 г.), по всей вероятности, неверны. К тому времени, когда ГУГБ МГБ СССР разобралось в трофейных польских документах, М.С. Островского уже не было в живых. После войны его вдову, кажется, оставили в покое.

⁷¹ [Копии писем и материалов Ибрагимова, Папроцкого и других лиц на польском и французском языках, б/д]. – ЦХИДК / РГВА. Ф. 453. Оп. 1. Д. 1. Л. 8-11, 14-15, 21-23, 32-34. О «деле Островского» впервые упомянуто в книге: A. Pełoński. Wywiad polski na ZSSR 1921-1939. Warszawa, 1996. S. 203-204.

⁷² См.: Lord Perth to A. Eden, Rome, Febr. 18, 1938. – PRO. FO/371/22286/N887. В личном письме министру иностранных дел Румынии, отправленном Бутенко из Рима, Торманов без обиняков именовался «агентом ГПУ» (H. Ragsdale. Op. cit. P. 707).